

Глава государства ответил на вопросы российских журналистов по завершении саммита БРИКС.

Вопрос: Западные СМИ очень много пишут о том, что БРИКС якобы переживает сложности. Бразилия в связи со сменой руководства, после смены руководства размышляет, нужен ли ей БРИКС или не нужен ей БРИКС. Известны трения между Индией и Китаем. Всё большую активность в отношении Индии, что называется, проявляют США.

Вы неоднократно говорили, что считаете БРИКС важным и жизнеспособным объединением. Вы как считаете, эти проблемы, если они есть, насколько серьёзны? Может ли БРИКС их преодолеть и каковы вообще перспективы развития БРИКС?

В.Путин: Некоторые наши партнёры всегда стараются найти проблемы, чем бы мы ни занимались и что бы мы ни делали. У нас, русских людей, есть хорошая пословица о том, что в чужом глазу соринку видят, а в собственном бревна не замечают.

Проблемы есть всегда, везде и между всеми странами. А что, между странами, представители которых так излагают ситуацию вокруг БРИКС, нет проблем с их ближайшими стратегическими партнёрами и союзниками? Да там полно проблем!

Если бы проблем не было, они давно подписали и ратифицировали бы Трансатлантическое торговое соглашение и решили много других проблем. Но они, к сожалению, не решаются. Потому что есть проблемы. И здесь ничего особенного нет. Это общемировая практика.

У каждой страны, тем более у больших стран, есть свои интересы, они далеко не всегда совпадают даже с самыми ближайшими союзниками. Но что лежит в основе интересов стран БРИКС друг к другу? Лежит схожесть их экономик и задач, перед решением которых они стоят. Это настолько очевидно, что не надо быть специалистом, нужно только посмотреть на структуру экономики, на развитие, на темпы, на задачи.

Вы знаете, именно эта объективная заинтересованность в поддержании контактов и развитии кооперации друг с другом по разным направлениям есть то самое главное, что лежит в основе нашего объединения и что вселяет в меня определённый оптимизм.

Более того, эта встреча, честно говоря, меня порадовала, потому что впервые я увидел у всех участников процесса реальную заинтересованность в развитии отношений. И появляются реальные направления взаимодействия.

Кроме уже созданных структур, известных всем нам как Банк БРИКС, как Пул условных валютных резервов – 200 миллиардов долларов, немалая цифра, он будет ещё наращиваться, – создаются и другие направления. В частности, промышленная кооперация.

Мы говорим о создании единых норм регулирования технических стандартов. Это основополагающие вещи, которые лежат в основе гармонизации экономического развития и экономических политик.

Мы вчера вечером с коллегой из Бразилии подробно углубились в то, как сейчас выглядит

ситуация в наших экономиках. Очень много схожего! Мы стоим перед общими глобальными вызовами, и, объединяя усилия, нам будет легче их преодолевать.

В общем, я отношусь к этому объединению весьма позитивно и думаю, что, безусловно, БРИКС имеет все шансы на развитие.

Вопрос: Вице-президент США Джозеф Байден вчера пообещал послать Вам сигнал – ответить за хакерские атаки, в организации которых США обвиняют официальную Россию...

В.Путин: Мы умеем друг друга послать, поэтому ничего неожиданного здесь нет.

Вопрос: По сути, официально прозвучала на столь высоком уровне угроза, причём угроза, насколько я понимаю, Вам лично. Предполагаете ли Вы, что это будут такие же хакерские атаки в отношении России или атаки могут быть в каких-то других сферах и областях?

В.Путин: От наших американских друзей можно ожидать всего что угодно. Что он такого нового сказал? Мы что, разве не знаем, что официальные органы Соединённых Штатов за всеми подглядывают и всех подслушивают?

Это же хорошо всем известно и давно уже это никакой не секрет, свидетельств этому достаточно. На это тратятся миллиарды долларов, АНБ работает, ЦРУ работает, другие службы. Есть и свидетельства, есть и полные признания.

Причём следят не только за своими потенциальными противниками, за теми, кого они считают таковыми, но и за своими союзниками, в том числе самыми близкими. Сколько нам скандалов известно о прослушках первых лиц государств – союзников Соединённых Штатов, так что здесь нового? Да ничего!

Единственная новизна в том, что впервые на таком высоком уровне Соединённые Штаты признают: первое, что они этим занимаются, и, второе, в известной степени угрожают, что, конечно, не соответствует нормам международного общения, это очевидно.

Видимо, нервничают немножко. Вопрос – почему. Думаю, что и этому есть объяснение. Знаете, в условиях предвыборной кампании любая действующая власть смотрит, как выстроить тактику предвыборной кампании, и у любой власти, особенно той, которая идёт на выборы, всегда существуют проблемы нерешённых вопросов. Им ведь нужно показать, объяснить своему населению, избирателям, почему не сделано то или это.

В Штатах таких проблем очень много, их хватает. Это хоть и ведущая экономика мира, великая держава, без всяких сомнений, но нерешённых проблем много. Например, огромный государственный долг – это мина замедленного действия и для экономики самих Соединённых Штатов, и для мировой финансовой системы. Никто не знает, что с этим делать. Девальвировать в будущем или что-то ещё? А что? Ответа нет. Это просто для примера.

Примеров можно привести много в сфере, скажем, внешней политики. Допустим, буксует совершенно точно процесс примирения на Ближнем Востоке: в широком смысле и между Израилем и Палестиной, к сожалению, до сих пор. Более того, явно напряглись отношения с

традиционными союзниками в регионе у Соединённых Штатов. Мы сейчас не будем туда забираться и ковыряться в этом деле, это их проблема.

Я просто говорю о том, что проблем много, и в этих условиях очень многие прибегают к наработанной системе отвлечения внимания избирателя от своих собственных проблем. В данном случае, на мой взгляд, мы это и наблюдаем. Как это сделать?

Создать, например, образ врага и объединить нацию в борьбе с этим врагом. Образ врага в виде Ирана и иранской ядерной угрозы был не очень эффективным. В случае с Россией это поинтереснее. На мой взгляд, эта карта активно сейчас и разыгрывается.

Я уже говорил недавно на форуме ВТБ: плохо, что исходя из внутривнутриполитических текущих проблем в жертву приносятся российско-американские отношения, потому что это разрушает международные отношения в целом.

Кстати говоря, я не полностью ответил на ваш вопрос – он связан в этой части со вторым – по поводу того, кто, как и с кем развивает отношения. Вот Индия, например, с Соединёнными Штатами. И слава богу! Соединённые Штаты – великая держава, Индия – великая держава. У любой великой державы есть интересы, и они добиваются реализации этих интересов в многостороннем формате. По-другому невозможно представить себе современный мир.

И чем интенсивнее, чем глобальнее будут эти процессы, тем мир будет более устойчивым. Надеюсь, что, когда пройдут эти дебаты, этот сложный период внутривнутриполитической жизни в самих Штатах, будут шансы восстановить отношения между Россией и США.

Реплика: То есть как угрозу не воспринимать?

В.Путин: Я уже сказал: всего можно ожидать. Поскольку следят глобально, за всеми, то информацией какой-то обладают. Но это даёт возможность компиляции.

Можно ведь полуправду подавать, можно на четверть правды, можно немного правдой разбавить, а дальше использовать эту информацию для введения в заблуждение общественного мнения в той или другой стране. Россия не исключение, мы всегда являемся целью этих атак. Мы и так это знаем.

Вопрос: Владимир Владимирович, Вы знаете, что стали героем новой серии мультфильмов про Симпсонов? Там Вы агитируете голосовать за Трампа. А в жизни как? Вам много раз уже задавали этот **Вопрос:** кто предпочтительнее, Клинтон или Трамп?

И ещё: недавно вице-президент США заявил, что мы не сможем повлиять на выборы в Штатах. Признайтесь честно: мы стараемся влиять? Вообще, оно нам надо?

В.Путин: А как он сказал? Поточнее? Мы не можем кардинальным образом повлиять. Корреспондент должен был его спросить: кардинально не могут, а не кардинально? Он как бы признаёт, что мы можем повлиять, но я хочу всех успокоить, в том числе наших американских партнёров и друзей: мы не собираемся влиять на ход избирательной кампании в США.

Ответ очень простой: мы не знаем, что будет после выборов Президента США. Госпожа Клинтон избрала такую агрессивную риторику и агрессивную позицию в отношении России, а господин Трамп, напротив, призывает к сотрудничеству, во всяком случае в деле борьбы с терроризмом.

Конечно, мы приветствуем всех, кто хочет с нами работать, и считаем ошибочным положение о том, что нам нужно ссориться постоянно с кем-то, таким образом создавать угрозы для себя и всего мира. Не добиваться, во всяком случае, нужных результатов в борьбе с терроризмом.

Но как это будет после выборов, мы ведь с вами точно не знаем. Не знаем, будет ли реализовывать свои намерения кандидат в Президенты Трамп, как далеко он пойдёт в направлении сотрудничества с нами, будет ли реализовывать свои угрозы, будет ли реализована жёсткая риторика в отношении России со стороны госпожи Клинтон, если она станет Президентом, – может, она тоже скорректирует свою позицию. Это всё нам пока неизвестно.

Повторю ещё раз, приносить в жертву российско-американские отношения в ходе внутрисполитических событий в США считаю вредным, контрпродуктивным. Это происходит не в первый раз. Обратите внимание, проанализируйте все предыдущие избирательные кампании – всё повторяется и повторяется, я уже говорил.

А потом нам ещё на ухо шепчут: вы подождите, подождите, сейчас пройдёт, и всё нормализуется. Знаете, даже не смешно уже. Но если кто-то хочет конфронтации, это не наш выбор. Значит, проблемы будут какие-то. Нам бы этого не хотелось. Нам бы хотелось, наоборот, искать точки соприкосновения и вместе решать проблемы глобального характера, перед которыми стоят и Россия, и Соединённые Штаты, и весь мир.

Вопрос: В пятницу состоялся саммит ОДКБ в Ереване, где Александр Лукашенко заявил, что организации необходимо сформулировать такие новые приоритеты, чтобы её если не боялись, то уважали. Не могли бы Вы уточнить, о чём именно шла речь, о каких новых приоритетах? Считаете ли Вы сами, что ОДКБ не замечают другие военные организации? И к разговору о приоритетах: является ли ситуация в Нагорном Карабахе приоритетом для ОДКБ?

В.Путин: Начну с того, чем Вы закончили.

Мы говорили, конечно, и про Карабах, мы говорили про определённое напряжение, возникающее между другими странами, республиками бывшего Советского Союза. И вот что я думаю по этому поводу, я и коллегам об этом сказал: понимаете, скажем, в той же организации НАТО тоже возникают проблемы между странами – членами организации, допустим, между Турцией и Грецией по проблеме Кипра. Что же здесь неизвестного?

Очень хорошо известно, годами, если не десятилетиями, делятся такие проблемы, но НАТО разве воюет то с одной, то с другой страной? А для нас даже не важно, входит та или иная страна, бывшая республика СССР, в ОДКБ или не входит. Для нас важно, что мы имеем со всеми этими странами особые, исторически сложившиеся отношения, и они гораздо ближе и

глубже, чем просто отношения между странами НАТО. Мы не можем этого не учитывать.

ОДКБ создавалась для купирования угроз внешнего характера. Конечно, мы как-то должны реагировать на то, что происходит и рядом с нами, но должны стремиться к тому, чтобы все проблемы, которые достались нам из прошлого, решались мирным путём и на основе компромиссов, именно компромиссов, на которые готовы пойти и одна, и другая сторона. В этом контексте мы обсуждали и карабахскую проблему, и другие.

В принципе то, что я вам сейчас сказал, не сильно отличается от позиции Александра Григорьевича Лукашенко. Но для того, чтобы уточнить, что он думал и что он считает нужным сделать, лучше спросить его самого. Он достаточно яркий оратор. Он вам всё объяснит.

Вопрос: Можно по внутренней экономике задать вопрос? По приватизации? У нас уже прошла продажа «Башнефти» – «Роснефти». Теперь мы продаём «Роснефть», потенциальные кандидаты пока неизвестны, но «Роснефть» уже сама сказала, что хочет выкупить собственные акции. С точки зрения корпоративной практики это нормально, но с точки зрения приватизации, если так произойдёт, получится не совсем настоящая приватизация. Вы согласны с этим?

В.Путин: Да, согласен. Я сейчас поясню.

Вы правы абсолютно, мы к этому и не стремимся. Вопрос не в том, чтобы обеспечить buy back, выкуп собственных акций компанией «Роснефть», и на этом успокоиться и заснуть благополучно, ни о чём не думая. Нет, если это и будет сделано, это только как промежуточный шаг, для того чтобы сделать следующие, по истинной приватизации, в том числе с привлечением стратегических инвесторов, может быть иностранных, под контролем государства, потому что сама «Роснефть» находится под контролем государства, и представители государства в совете директоров могут легко всё это контролировать.

Если «Роснефти» удастся осуществить продажу своих собственных акций вместе с Правительством Российской Федерации, если мы это всё сделаем, то это будет естественный шаг, настоящая большая приватизация крупной российской государственной собственности, не теряя контрольного пакета.

Но если рынок будет низким, если нам не удастся договориться, то мы не исключаем этого шага как предварительного для дальнейшей работы по приватизации. Поэтому хочу вас успокоить – и вас, и экспертов, которые внимательно следят за этим: мы не собираемся создавать, как я уже много раз говорил, государственный капитализм.

Мы будем идти по пути реальной приватизации, но не на падающем рынке, а если и на падающем – с теми, кто понимает, что рынок падающий, и он подрастёт, и готов выступить инвестором с определённой премией.

Или сделаем небольшой лаг по времени, но в этом году бюджет всё равно так или иначе должен получить деньги, вот в чём всё дело.

И думаю, что это такой достаточно осторожный, если не сказать филигранный план, который Правительство одобрило.

Вопрос: Владимир Владимирович, разрешите вопрос про отмену Вашего визита во Францию. Президент Франции Олланд говорил, что хотел обсудить с Вами ситуацию в Сирии, но Вы отказались. Почему так произошло?

В.Путин: Это неточно, видимо, поняли Президента Франции. Основным поводом, основной причиной моей предполагавшейся поездки во Францию было открытие нашего религиозно-культурного центра и посещение выставки российских художников.

Собственно говоря, цель визита была именно в этом – совместное участие в этих международных гуманитарных мероприятиях. Но в силу известных обстоятельств вокруг сирийской проблемы французская сторона решила, что эта часть сейчас нецелесообразна как совместное мероприятие.

А по второму мы практически даже не договаривались. У нас кроме Сирии и другие проблемы есть, можно было по другим проблемам поговорить. Кроме всего прочего, Франция так глубоко и не вовлечена в сирийское урегулирование. Мы помним, был момент, когда авианосец «Шарль де Голль» подошёл к берегам Сирии, и вроде бы мы договорились о совместной работе, но через пару дней он развернулся и ушёл в сторону Суэцкого канала. О чём говорить-то?

Конечно, мы всегда готовы говорить со всеми. Более того, мы заинтересованы в том, чтобы как можно больше стран было вовлечено в этот процесс, тем более такая крупная, великая держава, как Франция, с её возможностями.

Но, повторяю, это не было главной причиной поездки в Париж, а если главная отпала, то встречаться по вопросам, которые были как бы тоже в повестке дня, но не числились как основные, просто бессмысленно.

Повторяю ещё раз: Франция у нас работает в группе «друзей Сирии», но чтобы так уже совсем глубоко быть вовлечённой в сирийскую проблематику, – такого нет.

Вопрос: Владимир Владимирович, как раз в интервью французам Вы говорили о том, что американцы не прислушались к нашей информации по поводу братьев Царнаевых. Вообще, есть какое-то взаимодействие между нами, диалог?

В.Путин: Диалог всегда есть. А по поводу этой информации... Ну да, я уже не помню, когда это было, это Вы, наверное, сами лучше меня вспомните. Это было до трагических событий в Бостоне во время марафона.

За несколько месяцев мы проинформировали американских партнёров. По моей команде это ФСБ сделало, направило им официальное письменное уведомление о том, что у нас в разработке находятся такие-то люди, они представляют опасность, и мы предлагаем по ним совместно поработать. Ответа не было.

Прошло ещё какое-то время. Бортников пришёл ко мне, говорит: не отвечают. Я говорю: пиши ещё. Да-да-да, это прямая речь. Он ещё раз написал. По-моему, со второго или третьего раза получили ответ: они граждане Соединённых Штатов, не лезьте, мы сами разберёмся. Я сказал: ладно, если так, то так.

Через месяц или пару месяцев произошёл теракт в Бостоне во время марафона. Это лишнее свидетельство того, кстати говоря, что те, кто выступает за сотрудничество, особенно в сфере борьбы с терроризмом... Конечно, их позиция является правильной. Мы всегда придерживаемся именно такой точки зрения.

Но есть и примеры положительного сотрудничества. Например, в ходе подготовки и проведения Олимпийских игр в Сочи американская сторона, американские спецслужбы установили с нами реально деловые, партнёрские отношения и помогли в обеспечении безопасности. Мы за это им благодарны.

Вопрос: Владимир Владимирович, мы знаем, что Вы вчера также общались с партнёрами из Индии и Китая. Не могли бы Вы рассказать об основных итогах? Может быть, каким-то темам особенное внимание уделили? И мы знаем, что было подписано с Индией важное соглашение по поставкам С-400 «Триумф». О каких объёмах идёт речь? Когда могут начаться поставки? И может быть, ещё какие-то аспекты взаимодействия по ВТС обсуждали?

В.Путин: Да, Индия является одним из наших приоритетных партнёров, вообще стратегических. Мне не нужно, наверное, вспоминать период, когда у нас был в моде лозунг «Руси хинди бхай бхай». На самом деле с тех пор мало что изменилось, если не сказать, что наши отношения стали ещё более глубокими.

Но военно-техническое сотрудничество не единственная сфера деятельности, которая представляет для нас интерес. У нас, к сожалению, очень мало задействованы наши возможности в сфере гражданской экономики, и здесь очень многое можно сделать.

Индия – колоссальный рынок, 1 миллиард 250 миллионов человек. Причём значительная часть населения Индии живёт на достаточно высоком уровне, уже на уровне среднеевропейских доходов. То есть рынок здесь очень большой для наших товаров.

Мы старались найти дополнительные ниши для этого сотрудничества. А здесь многое возможно, прежде всего в развитии, допустим, нашего сотрудничества в космосе, авиации, машиностроении в целом. Что касается военно-технического сотрудничества, качество этого направления нашего взаимодействия очень хорошее, может быть, даже лучше, чем со многими другими странами, и оно заключается в том, что мы не только продаём в Индию высокотехнологичное современное вооружение, но и занимаемся совместными разработками.

С-400 «Триумф» – да, это многомиллиардные сделки, миллиардные. Речь идёт даже не о сотнях миллионов, а о миллиардах долларов.

Потом вы знаете, что мы будем совершенствовать ракетную систему «Брамос», причём будем делать её наземного, воздушного и морского базирования. Мы будем работать над увеличением дальности этих систем. И будем вместе работать над самолётом пятого

поколения. Он уже в воздухе, в принципе мы его уже подняли в воздух, но там есть ещё над чем работать. Это известный самолёт Т-50.

Я тоже уже упоминал, ещё раз скажу, что качество наших отношений в этой сфере характеризуется и отличается тем, что мы помогаем индийским друзьям приобрести дополнительные компетенции. Вы знаете, что мы организовали здесь сборку и производство новейших танков Т-90 и самолётов «Сухой» Су-30.

Вопрос: Возвращаясь к теме саммита БРИКС, насколько подробно с лидерами стран БРИКС обсуждался сирийский вопрос, учитывая то, что накануне поездки в Индию Вами было ратифицировано соглашение о размещении нашей авиагруппы в Сирии? Вообще, лидеры стран БРИКС по сирийскому вопросу выступают с общей позицией?

В.Путин: Да, в целом выступают все с общей позицией, да и не в целом с общих позиций. Все считают, что нужно последовательно бороться с терроризмом. Конечно, все при этом полагают, что нет никакого другого способа окончательного решения сирийской проблемы, кроме дипломатического способа.

В этой связи я проинформировал всех наших коллег и друзей по «пятёрке» о том, как мы видим ситуацию, разворачивающуюся в Сирии вообще и вокруг Алеппо в частности.

Вопрос: Владимир Владимирович, планируется поездка в Берлин. Как говорил Ваш помощник, всё зависит от результативности представителей конфликтующих сторон. Как Вы настроены? Намерены поехать? Вас много спрашивают про разрешение украинского конфликта, и Вы вынуждены одно и то же всё время говорить, что, грубо говоря, мяч на стороне украинских властей, которые не делают то, что должны. Как, на Ваш взгляд, можно изменить это? Не вечно же будет продолжаться такая ситуация ни войны и ни мира?

В.Путин: Надеюсь, что не вечно, и надеюсь, что все эти проблемы решатся как можно быстрее.

Теперь по поводу поездки в Берлин. Мы договорились с Президентом Франции и с Канцлером ФРГ, когда разговаривали недавно по телефону, что эта встреча в Берлине будет целесообразной, но только в том случае, если наши помощники – они встречались, по-моему, в субботу-воскресенье в Минске – продвинут этот диалог так далеко, чтобы дать нам возможность при встрече на высшем уровне закрепить эти договорённости. Если договорённости на уровне помощников достигнуты не будут, то тогда и встреча в таком формате – «нормандском формате», на высшем уровне – пока будет преждевременной.

Теперь что касается выполнения-невыполнения. Я знаю, что мой коллега Президент Порошенко выступил со статьёй, по-моему, в Frankfurter Allgemeine Zeitung, где опять пытается переложить какую-то ответственность на Россию, ссылаясь на неурегулированность в сфере безопасности. Считаю, что это только предлог, чтобы ничего не делать в политической сфере.

Нужно идти как минимум параллельно – и добиваясь реализации вопросов безопасности, и совершая абсолютно необходимые для урегулирования в целом и на длительную перспективу

шаги в политической сфере. Без этого добиться урегулирования будет невозможно. Да и как люди, которые живут в этом регионе, в данном случае в Донбассе, могут быть окончательно уверены в том, что они не будут преследоваться, что их не будут хватать и тащить в тюрьму за сепаратизм, за терроризм?

Там можно «бочку арестантов» на них навалить, если не будет принят заблаговременно закон об амнистии в отношении всех граждан, которые там проживают. Но как можно людям быть уверенными в том, что их права будут обеспечены и гарантированы без имплементации этого закона об особом статусе, принятого Радой, и закрепления его в Конституции?

А почему нужно, чтобы он был закреплён в Конституции? Если просто имплементировать, то завтра можно будет отменить как противоречащий Конституции. Это все прекрасно понимают, поэтому нужно внести эти изменения в Конституцию. Все знают об этом, об этом 17 часов в Минске говорили, всю ночь. Если это не будет сделано, то это значит, что действующие власти не готовы к решению проблем на юго-востоке своей собственной страны.

Вопрос: Владимир Владимирович, чуть-чуть к БРИКСу вернусь. «Семейная» фотография, костюм синего цвета – скажите, Вам его рекомендовали или это Ваш выбор, учитывая, что в Индии есть свои традиции и синий цвет означает силу и борьбу со злом? И ещё один под**Вопрос:** рядом с вами стоял Темер, Вы сейчас говорили, что общались с Президентом Бразилии. Стоит ли доверять WikiLeaks, которая в 2011 году опубликовала информацию о том, что он якобы завербован как информатор со стороны США? Успокойте.

В.Путин: Послушайте, мы начали с того, что США всех подслушивают и за всеми подглядывают. Вы все – объект разработок соответствующих служб. Вы зря смеётесь, и я скажу почему. Потому что вы носитель определённой информации. Вы же входите в президентский пул, Вы привыкли, можете что-то услышать, что-то увидеть, с кем-то поговорить.

Вы свободно болтаете по телефонам, по открытой связи, и несёте в эфир то, что считаете нужным и вообще о чём думаете или только предполагаете. Это представляет интерес. Значит, на каждого из вас можно завести дело – наверняка так и есть – и отслеживать все ваши переговоры. Всё это систематизируется, складывается, анализируется. Вот чем занимается АНБ США.

Реплика: А российские?

В.Путин: Российские работают строго в рамках российского законодательства. А АНБ, как мы выяснили от бывших сотрудников, нарушает даже американское законодательство. Мы действуем только по решениям судов, а они к таким решениям не прибегают, как выяснилось. Это существенная разница в практике деятельности российских и американских спецслужб.

По поводу того, кого и где завербовали, я знать не знаю, и мне это неинтересно. Знаете, есть ещё некоторые вещи, они заключаются в том, что человек на определённом уровне руководствуется интересами страны и государства, народа своей собственной страны. Я не могу себе представить, даже теоретически, что возможен другой подход. Просто не могу себе

даже это представить. Поэтому мы всегда работаем с представителями действующей власти и стремимся к тому, чтобы у нас выстроились очень хорошие межгосударственные доверительные отношения.

Вопрос: Владимир Владимирович, как Вы относитесь к введению новых санкций из-за Сирии? И ещё: сейчас активно битва идёт за Мосул, работает артиллерия, обстреливают. Также говорят о том, что заметна и авиация наших союзников, тех самых, которые очень активно критикуют. Напрашиваются определённые параллели. Как Вы могли бы оценить подобные двойные стандарты?

В.Путин: Что касается санкций, Вы знаете наше отношение к любым санкциям. Это контрпродуктивно, вредно, ничего хорошего в этом нет, и, главное, они никогда не достигают целей, которые ставят перед собой те, кто эти санкции вводит.

Вообще, что касается санкций в отношении России, к чему бы ни привязываться – к событиям на юго-востоке Украины, каким-то другим, допустим, даже к Сирии, – уверяю вас, цели тех, кто формулирует эту политику и продвигает её, не решить конкретную проблему, в данном случае проблему юго-востока Украины, а просто сформулировать политику сдерживания России.

Если бы не было Украины, придумали бы что-нибудь другое. Просто сам факт, что Россия не становится, а, думаю, уже стала полноценным игроком на международной арене – демонстрирует внутривосточную консолидацию, кстати говоря, при желании работать со всеми партнёрами, – видимо, не очень устраивает. Потому что работа на международной арене предполагает какие-то уступки, поиск компромиссов. На компромиссы, видимо, идти неохота, хочется диктовать.

Вот такой стиль сложился за последние лет 15–20 у наших партнёров из США, они никак не могут от этого стиля отойти. Ведь диалога, как правило, нет, вы понимаете? Формулируют позицию: надо так, так и так. А вся работа дальше строится вокруг чего – как им добиться того, чтобы все с ними согласилось: кто не с нами, тот против нас. Вот и вся логика. Но так невозможно работать! Поэтому всё чаще и чаще сбои происходят.

Цель этих санкций не в том, чтобы что-то решить, а в том, чтобы сдержать это укрепление России как полноценного участника международной деятельности. Вот в чём цель. Но и эта цель не будет достигнута такими средствами.

Теперь что касается Мосула. Конечно, эта параллель очевидна. Если нам говорят о том, что очень много гуманитарных проблем возникает вокруг Алеппо, мы, конечно, можем показать теперь нашим партнёрам на Мосул и сказать: имейте в виду, и здесь проживают сотни тысяч людей. Это же миллионный город, и применение авиации и артиллерии очень опасно с точки зрения возможных жертв среди мирного населения.

Мы надеемся, что наши американские и в данном случае французские партнёры будут действовать избирательно и сделают всё для того, чтобы минимизировать, а лучше всего – исключить жертвы среди мирного населения. Конечно, мы не намерены по этому поводу раздувать истерию так, как это делают наши партнёры на Западе, потому что понимаем, что

бороться с терроризмом нужно, и другого пути, кроме активной борьбы, нет.

Вопрос: В продолжение сирийской темы. Отправка флагманов российского флота, авианосца и ракетного крейсера «Москва» в Средиземное море означает ли, что грядёт некое наступление на твердыни террористов и...

В.Путин: Сейчас я Вам так и расскажу: когда наступление, во сколько, откуда начнётся...

Вопрос: Тогда в продолжение темы. Дипломатические отношения с Америкой расстроились из-за сирийского вопроса. Ожидаете ли...

В.Путин: Что-что-что?

Вопрос: Отношения с Америкой расстроились по сирийскому вопросу...

В.Путин: Вы так думаете?

Вопрос: Мне так кажется.

В.Путин: Вы ошибаетесь. Вы вспомните, что происходило вокруг Югославии. Оттуда всё и началось, я ещё и президентом не был. Я, что ли, развернул самолёт над Атлантикой? Это, по-моему, Примаков сделал.

Вопрос: Да, Евгений Максимович.

В.Путин: Кстати говоря, и Борис Николаевич Ельцин всё был хорош да хорош, а как только занял достаточно жёсткую позицию по отношению к Югославии, сразу все начали припоминать, что он и выпить любит, и то, и сё, и это, и пошла компрометация. Вот всё и началось.

Понимаете, я уже только что сказал: не нравится наша независимая позиция, вот в чём проблема. А потом и дальше пошло – по Ираку. Кстати говоря, мы не были инициаторами позиции по Ираку. Я же хорошо это знаю, меня убеждали в необходимости занять такую позицию по Ираку, которую в конце концов заняли лидеры Германии и Франции. После того как Саддама Хусейна повесили, все радовались и помните что говорили? «Вот вы были против, а они пришли и победили». Победили ли – вот в чём вопрос.

Ирак, так же как и Ливия, никогда не был центром терроризма, а после ликвидации там государственных структур они превратились в рассадник терроризма. Вот сейчас нужно штурмовать Мосул, где миллионное население, применяя авиацию, танки и артиллерию. Вот результат. А в Ливии вообще непонятно, что делать.

Государство прекратило своё существование, рассадник терроризма, массовый поток беженцев пошёл. Ну и что, вы считаете, что у нас из-за Сирии изменились отношения со Штатами? Нет, не из-за Сирии, а из-за попыток одной страны навязать всему миру свои собственные решения.

Мы не против этой страны, но мы против того, чтобы решения принимались в одностороннем порядке и не были продуманными до конца, без учёта исторических, культурных, религиозных особенностей той или другой страны, даже если в этой стране есть конфликты и противоречия.

Вопрос: До той поры, пока не сменится Администрация, бессмысленно ожидать какого-то улучшения, разрядки?

В.Путин: Мне кажется, надеяться всегда нужно на лучшее. У нас контакт продолжается с Администрацией. Вот господин Керри встречался недавно с Лавровым, мы в целом в контакте с Президентом Обамой. Администрация работает, в общем, несмотря на то что осталось полтора месяца до выборов. В ноябре там выборы?

Всё-таки они работают, надо отдать им должное, до конца и достаточно напряжённо. Поэтому контакты есть, они продолжают практически по всем направлениям, и если наши партнёры в Штатах намерены с нами работать, мы будем, если не хотят – не надо.

Вопрос: Владимир Владимирович, Ваша позиция по поводу санкций известна, абсолютно разделяю. Но по поводу ответных...

В.Путин: Можно на этом и закончить.

Реплика: Вопрос про другое...

В.Путин: Точка была бы такая хорошая.

Вопрос: Вопрос немножко про другое – по поводу ответных санкций. Понятно, что мы тоже сделали такой шаг, но, Вы знаете, я по роду своей работы общаюсь с представителями и крупного бизнеса, и мелкого, и с теми, кто на экспорт работает, и с теми, кто в рамках БРИКС работает.

Все в один голос говорят: ответные санкции России – это усиление санкций Запада в отношении российского же бизнеса. Но те же китайцы, индусы тоже смотрят. Они думают затевать какой-то инвестиционный проект с российскими компаниями, оглядываются на санкции, оглядываются на контрсанкции России тоже... Это для них нехорошо. Поскольку санкции продолжаются уже несколько лет, можно обобщить уже как-то эту идею и посмотреть... Может быть, сделать выборочные, смягчить как-то ответные санкции России?

В.Путин: Сейчас я объясню Вам свою позицию. Это я коротко сказал, но правильно, а теперь я постараюсь раскрыть.

Во-первых, не соглашусь с тем, что эти наши контрмеры – это санкции. Это не санкции, а контрмеры по защите нашего рынка. Ведь смотрите что получилось? Это реально вынужденные меры.

Нам ввели определённые ограничения, скажем, в области финансов: наши банки не могут перекредитовываться, а при этом наш рынок полностью открыт для партнёров. В общем и

целом с начала 90-х годов ситуация сложилась так, что нашим сельхозпредприятиям даже отвоевать часть собственного рынка почти невозможно.

Да, мы воспользовались этой ситуацией и приняли определённые меры ограничивающего характера. Но смотрите, что происходит даже в условиях сокращения ВВП и падения промышленного производства в прошлом и позапрошлом году: рост производства сельхозпродукции – 3,6 процента, причём регулярно, из года в год.

Мы сейчас совершенно точно фиксируем: ещё недавно мы импортировали 1 миллион 400 тысяч тонн мяса птицы, а теперь мы сами думаем, как её продать на внешние рынки. Мы практически закрыли внутренние потребности. То же самое – пока не то же самое, но приближаемся к тем же показателям – по свинине.

Да, у нас существуют проблемы по овощам, тем более по фруктам, но мы понимали, что это произойдёт. Произошло определённое повышение цен на внутреннем рынке, но это дало шанс внутренним товаропроизводителям, конечно, при поддержке со стороны государства – эта поддержка есть; можно говорить, меньше или больше нужно, но она есть, и она существенная, – восстановить свои собственные силы и занять необходимые ниши на собственном рынке.

Сейчас мы, допустим, нормализуем отношения с Турцией, некоторые ниши открываем. Что мы открыли, я, когда был в Турции, говорил: косточковые и цитрусовые. Мы не производим ни косточковых, ни цитрусовых, что же здесь держать? Наоборот, это будет создавать конкуренцию для других импортёров.

Да, в промышленности. Это импортозамещение так называемое... Я вам честно и откровенно скажу: у меня была большая тревога, внутренняя тревога, поэтому мы с представителями оборонной промышленности, гражданской регулярно встречаемся и обсуждаем, что происходит в этих сферах, каковы результаты действий. В том числе, скажем, наше решение о том, что крупные компании с госучастием должны обеспечить определённый рынок для малых и средних отечественных предприятий.

Реальный эффект даёт, понимаете? Они получили деньги на рынок своих продуктов, причём в значительной степени это высокотехнологичная продукция, и эта продукция растёт. Я уже не говорю об импортозамещении в оборонной промышленности: недопустимо, когда мы зависим в микроэлектронике от компонентов для РСН или других очень чувствительных систем. Эта зависимость исчезает. Скажем, это касается не только украинских поставщиков, это касается и поставщиков из других стран, из Европы, Соединённых Штатов.

На сто процентов – сто процентов, хочу подчеркнуть! – наши вертолёты комплектовались двигателями украинского производства. Всё закончилось – мы построили один завод, сейчас завершаем второй и, может быть, даже уже запустили его в строй. Всё. Но это будет уже другая продукция.

Всё так называемое импортозамещение – это не просто мы производство одного двигателя перенесли в Россию. Нет, это просто совсем другой технологический уровень. И в этом смысле это точно совершенно элемент развития.

То же самое, там просто сложнее, то же самое: в ближайшее время мы закончим работу по двигательным установкам для Военно-Морского Флота. Это имеет синергетический эффект и для гражданских производств. Но, кстати говоря, что касается Украины, я бы хотел сказать это и благодарен Вам за Ваш **Вопрос**: мы видим, что там, к сожалению, происходит деградация, то, о чём мы говорили, происходит деиндустриализация страны.

Но мы в любой момент, как только этого захотят наши украинские партнёры, готовы развернуть наши потребности под возможности украинской промышленности. В том числе и в направлении совместной кооперации по переоснащению украинской оборонки и гражданских отраслей. Но только в том случае, если, конечно, повторяю ещё раз, будут созданы соответствующие условия, если наши партнёры этого захотят.

И, наконец, как реагируют на это, на наши встречные меры по отношению к тем странам, которые ввели в отношении нас санкции, наши партнёры по БРИКС. Я что-то не вижу у них никаких озабоченностей, потому что в отношении товаров этих стран мы никаких ограничений не вводим и не собираемся вводить.

Более того, эти ограничения, которые мы ввели в отношении тех стран, которые ввели санкции против нас, дают нашим партнёрам по БРИКС и другим нашим партнёрам дополнительные возможности на российском рынке. И они активно пользуются этими возможностями. Так что здесь я никаких не вижу проблем и сложностей.

Вопрос: А новые санкции Россия будет вводить?

В.Путин: Вы знаете, что хочу сказать? Мы ведь сознательно ввели ограничения именно на сельхозпродукцию. Это такой асимметричный ответ: они нам по промышленной продукции, по некоторым видам двойного, как они считают, назначения, ограничения по финансированию – мы в ответ не можем сделать то же самое, то есть можем, но это будет бессмысленно, – а мы сделали в той сфере, где это для них проблемы создаёт.

Там миллиардные ущербы считают, вы же видите. Это же не мы считаем, это считают западноевропейские эксперты и представители соответствующих отраслей производства, в том числе, кстати говоря, и промышленности. Но мы делали это там, где нам выгодно было это сделать.

И мы ничего не будем делать только для того, чтобы кого-то наказать, наказывать себя – купить билет и не поехать. Так мы не будем поступать. Мы пока ничего не планируем, никаких ответных действий, контрмер. Надо посмотреть, как будут наши партнёры себя вести, и исходя из этого уже принимать решения.

Благодарю всех за внимание. До свидания.